

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ: ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

МАТВЕЙ ПОЗДНЯКОВ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Государственные отделы

Матвей Поздняков

Следственный комитет: Особый отдел

«Автор»
2026

Поздняков М.

Следственный комитет: Особый отдел / М. Поздняков — «Автор», 2026 — (Государственные отделы)

«Следственный комитет: Особый отдел» - больше чем детектив. Это психологическая сага о команде сломленных, но не сбитых специалистов под началом Громова.От расследования убийства IT-директора они выходят на след контрабанды стратегических материалов, где враг имеет дипломатический иммунитет, а цена ошибки - жизни. Им предстоит не только поймать преступника, но и удержаться на грани, где заканчивается закон и начинается личная месть.Здесь каждый борется с призраками прошлого. Их отдел - хрупкая крепость, где доверие друг к другу - последний рубеж обороны.

© Поздняков М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР 5
Глава 1: Точка отсчета 6
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Матвей Поздняков
Следственный комитет: Особый отдел

«Они были сломаны по-разному, но собраны одной целью. Их оружием были не только пистолеты и протоколы, но и молчаливое понимание, что в этой работе либо держишься вместе, либо падаешь поодиночке».

– Из служебного дневника следователя

ДИСКЛЕЙМЕР

«Следственный комитет: особый отдел» – художественное произведение. Все события, персонажи и организации являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, структурами или ситуациями случайны и непреднамеренны.

Изображение работы следственных органов и методов расследования представляет собой авторскую интерпретацию и творческую драматизацию, созданную для развития сюжета и раскрытия персонажей. Оно не является документальным отражением деятельности реальных правоохранительных учреждений.

Любые упомянутые географические названия, локации и технические процедуры могут быть адаптированы или изменены в художественных целях.

Глава 1: Точка отсчета

Декабрь 2016 года, Санкт-Петербург, 07:30.

Морозный рассвет застаивался над городом, не в силах пробить пелену низких облаков. В отделе по расследованию особо тяжких преступлений Управления СК на набережной канала Грибоедова уже пахло старым кофе, пылью и напряжением – особым, густым, громовским напряжением, которое висело в воздухе, как предгрозовая тишина.

Марина Светлова вошла тихо, как всегда, используя свою хрупкую легкость по полной программе. Её кроссовки не издали ни звука на линолеуме, она была тенью, скользящей между столами. В тугой, невысокий «пучок-ракушку» на затылке были собраны темные волосы – ничего, что можно схватить. Лицо без косметики под светом люминесцентных ламп казалось почти прозрачным, маской профессиональной нейтральности. Она прошла мимо своего стола, бросив быстрый, аналитический взгляд на пустой кабинет Громова – дверь была приоткрыта, внутри – темнота. Но он уже здесь. Где-то в глубине здания, в тире или просто в тени коридора. Его присутствие не просто ощущалось; оно меняло атмосферное давление во всем отделе. Для Марины это было одновременно угрозой и странным укоренившимся спокойствием. Он – ее главная опасность и единственная реальная опора в этой войне.

«Искра», – кивнул ей, проходя с дымящимся стаканчиком эспрессо, Виктор Романов. Он был безупречен, как всегда: темно-синий костюм, сидящий безукоризненно, свежая бритва, от него пахло дорогим парфюмом с ноткой бергамота и непоколебимой уверенностью в себе. Это был не просто кивок коллеги – это был взвешивающий взгляд «игрока», оценивающего ключевую фигуру на своей доске. Марина ответила легким движением подбородка, едва заметным. Их общение давно свелось к коду кратких знаков, к взаимному профессиональному сканированию. Он видел в ней «проект» Громова и дикую карту. Она видела в нем эффективного стратега, но держала на дистанции, чувствуя под шиком игрока чуждую ей жажду статуса и адреналина.

В своем углу, уткнувшись в три монитора, сидел Даниэль Карелин, казавшийся островком цифрового хаоса в мрачной реальности отдела. На экранах бежали строки кода, карты тепловых сигнатур, графики перемещений. Он что-то бормотал себе под нос, нервно постукивая костяшками пальцев по краю клавиатуры. Он уже был здесь несколько часов, фанатично готовясь к новому дню, жаждая предъявить Громову результат, который принесет ему ту самую крупицу «временного удовлетворения». Для Даниэля одобрение Громова было не похвалой – оно было валюта, кислород и смысл.

– Мозг, ты хоть спал? – спросила Марина, включая свой компьютер. Её голос был ровным, без материнских ноток – просто констатация. Она относилась к нему со снисходительным терпением, понимая его мотивацию, но уставая от вечного выскочкиства.

– Сон – неоптимизированная процедура, – не отрываясь, ответил Даниэль, его глаза бегали по экранам. – Я написал скрипт для автоматического сбора и первичного анализа данных с камер на месте нового дела. Уверен, это ускорит работу. Громов будет доволен. В его голосе звучала наивная, почти детская надежда.

– Громов никогда не бывает «доволен», – из-за перегородки раздался ровный, отчеканенный голос Алисы Захаровой. Она сидела за своим столом, разобрав и чистя ствол служебного пистолета быстрыми, выверенными до автоматизма движениями. Её лицо было сосредоточенным, почти отрешенным – ритуал перед боем. Каштановые волосы были заплетены в тугую, сложную косу. – Он бывает «временно удовлетворен отсутствием косяков». И то редко.

Алиса даже не взглянула на них, полностью погруженная в процесс. Её слова были не упреком Даниэлю, а констатацией закона природы, как смена дня и ночи. В её мире, мире внедрений и работы под прикрытием, эмоции были роскошью, а ошибка – смертью. С Мариной

их связывал безмолвный союз сестёр, понимание без слов двух женщин, выживающих в этом стальном мужском муравейнике. Они были разными: Марина – «Искра», смягчающая острые углы, Алиса – «Сталь», их отсекающая. Но доверяли они только друг другу.

Дверь кабинета Громова распахнулась без звука, и он заполнил собой проем. Не просто вошел – материализовался, как воплощение самого отдела. Высокий, с тяжелой, «здоровой» костью и той суровой, жилистой мускулатурой, что говорит не о спортзале, а о выживании в экстремальных условиях. Простая темная водолазка лишь подчеркивала мощь торса. Его взгляд, серый и тяжелый, как свинец, медленно прошелся по отделу, заставляя даже Виктора, не меняя позы, внутренне выпрямить спину. Этот взгляд взвешивал, оценивал на прочность, искал слабину. Он упал на Марину – секундная задержка, проверка состояния. Проскользнул по Алисе – кивок признания готовности. Проигнорировал Даниэля, все еще уткнувшегося в монитор, – тот вздрогнул, почувствовав взгляд спиной. Громов не терпел погруженности в цифры в ущерб ситуационной осознанности.

– Собрание. Через минуту. Новое дело, – произнес он своим низким, хрипловатым баритоном. Слова падали коротко, ясно, без обертонов, как приговор. Он не ждал ответа, разворачиваясь и скрываясь обратно в кабинете, оставляя после себя щемящую тишину и ощущение, что вот сейчас, сию секунду, начался обратный отсчет.

Из соседней комнаты, потягиваясь и зевая, вышел Константин Волынский. На нём была чуть помятая рубашка с расстегнутым воротом, на запястье – плетёная фенечка. Он выглядел так, будто только что вернулся с пляжа, а не пришел на службу в следственный комитет.

– Все такие бодрые, а я кофе ещё не пил, – улыбнулся он всем сразу, его ярко-голубые глаза, морщинки у которые были от смеха, а не от напряжения, искали контакта. Он был «солнечным зайчиком в морге», и его жизнерадостность поначалу всегда раздражала, но быстро становилась для всех необходимым антидепрессантом. Он смотрел на службу как на самое острое путешествие – в глубины человеческой души.

Виктор, поправляя манжет, уже двигался к «аквариуму». Алиса, щелкнув затвором, собрала пистолет и встала. Даниэль лихорадочно сохранял данные. Марина взяла блокнот и тонкую, почти невесомую ручку – её оружие для «мягких» допросов.

Они шли на зов своего командира – разрозненные, травмированные, амбициозные частицы, удерживаемые в нестабильном, но смертоносном магнитном поле по имени Максим Громов. Поле, где слабость была приговором не тебе, а тому, кого не успеешь спасти. И новый день, новое дело начиналось прямо сейчас.

В оперативной, названной «аквариумом» из-за стеклянных стен, уже собрались. Стекло было не для прозрачности, а для контроля – Громов мог из своего кабинета видеть всё, но сейчас он был внутри, становясь центром тяжести. Помимо ядра отдела, здесь был штатный криминалист – Леонид Аркадьевич, сухонький, вежливый мужчина лет пятидесяти. Он стоял с краю, в позе человека, привыкшего быть не участником, но ключевым свидетелем. Его руки, сложенные перед собой, всегда казались чистыми, будто только что вымытыми с хирургическим скрабом, даже если час назад он извлекал осколки кости из раны. Это была его профессиональная магия – умение сохранять безупречную чистоту в самом центре хаоса и грязи. Его присутствие было спокойным и абсолютно необходимым, как стерильный инструмент.

И, переминаясь с ноги на ногу у самого входа, стоял Иван Сидоров в своем неизменном пуховике, потертых джинсах и тяжелых ботинках. Он смотрел не столько на Громова, сколько на большой экран, куда тот вывел фотографии, изучая их своим, «уличным» взглядом. Он был здесь чужаком в «барской» конторе, но его поза выдавала не робость, а нетерпение – ему было тесно в четырех стенах, он уже мысленно был на том дворе, опрашивая «зайцев». Его прислал сюда из райотдела Сергей Петрович быть глазами и ушами, и Иван чувствовал ответственность: если в его районе орудует зверь, он должен быть в цепи, которая его поймает.

На экране – тело мужчины. Без верхней одежды, в дорогой, но теперь промокшей и заляпанной снегом рубашке и брюках. Лицо превращено в кровавую маску, обезображенное множественными ударами тупым тяжелым предметом. Лежало в сугробе в глубине двора-колодца на Петроградской стороне, в позе, неестественно вывернутой, будто куклу, бросили. Рядом, в стороне – разбитый смартфон, черный прямоугольник на белом.

Тишина в «аквариуме» была плотной, каждый переваривал увиденное через призму своего опыта. Для Алисы это была рабочая картинка, которую нужно разобрать на тактические элементы. Для Виктора – начало сложной игры. Для Даниэля – набор данных для оцифровки. Для Марины – лицо будущего «мягкого» допроса с родственниками, которое уже откладывалось где-то в глубине сознания, требуя эмоциональной подготовки.

– Жертва: Арсений Валерьевич Ковалев, 42 года, – голос Громова был лишен эмоций, будто он читал техническое задание к операции. Ни капли личного. Так он хоронил всё внутри, чтобы видеть только суть. – Директор небольшой, но успешной IT-фирмы «Криптон-Софт». Обнаружен в шесть утра дворником. Последний раз его видели вчера вечером, около восьми, выходящим из офиса на Чкаловском проспекте. Машина осталась на парковке у работы. Кошелек, часы при нем. Исключаем грабеж как первичный мотив. Леонид Аркадьевич.

Криминалист сделал шаг вперед, поправил очки. Его движения были экономными, точными.

– Предварительно, смерть наступила между 22:00 и 00:00 от черепно-мозговой травмы, несовместимой с жизнью. Ударов было несколько, нанесены сзади и сбоку, с большой силой, разной траекторией. Это не один точный удар. Это было… избиение. Орудие – тяжелый предмет с неровной, возможно, ребристой или составной поверхностью. Не классический молоток, не монтировка. Что-то иное, возможно, инструмент специфический. Под ногтями жертвы – микрочастицы синей краски, скорее всего, порошковой, и… фрагменты эпидермиса. Предположительно, материал перчаток нападавшего – кожа или плотная синтетика, которая порвалась при контакте. На спине и боках – несомненные следы волочения по твердой поверхности (асфальт, бетон) на расстояние не менее 10-15 метров. Вывод: убит не на месте обнаружения. Тело перемещали.

– Значит, искали место попроще, чтоб не светиться, – хмыкнул Иван, его мозг автоматически перебирал знакомые дворы и подворотни. Он тут же получил ледяной, прищуренный взгляд Громова. Взгляд, говоривший: «Ты здесь не для комментариев, а для ответов».

– Твоя территория, Сидоров. Что по двору? – спросил Громов, отсекая всё лишнее.

Иван перестал переминаться, в его позе появилась уверенность человека на своей земле.

– Двор-пустырь. Типичный питерский колодец. Проходной, через арку с трёх сторон. Камер никогда не было и нет. Освещение одно, разбитое. Место для разборок или сброса мусора – идеальное. Знаю парочку местных «зайцев», которые там ночуют или корешатся. Они, если что видели, язык развяжут. Спрошу по-свойски.

– Запроси. Быстро. Карелин.

Даниэль вздрогнул, словно его ударили током, оторвавшись от планшета, на котором он уже строил схему.

– Да, Максим Игоревич! Я уже начал цифровой портрет. Фон по Ковалеву кристально чистый. Не судим, не привлекался. Кредиты в порядке, ипотека почти выплачена. Брак… – он мельком глянул на экран со сканированными документами, – в процессе развода. Жена, Елена Станиславовна, с двумя детьми уехала к родителям в Сочи две недели назад. Фирма «Крип-

тон-Софт» специализируется на разработке и внедрении систем кибербезопасности для средних банков и финансовых компаний. Конкурентов полно, но данных об открытых конфликтах или судебных разбирательствах нет. Вчера вечером, согласно данным с карты доступа, он ушел с работы последним, около 20:15. Данные с городских камер по предполагаемому маршруту от офиса до парковки и далее – изучаю, но там слепые зоны.

Громов кивнул, переваривая информацию. Развод, отъезд жены – значит, в момент убийства жертва была эмоционально уязвима и физически одинока. Идеальная мишень.

– Светлова, Захарова – к жене. Летите в Сочи первым рейсом, – приказ прозвучал без обсуждения. Для Громова это была очевидная и неотложная задача. Пока жена в шоке, не успела выстроить защиту, не начала врать, прикрывая возможные тайны мужа или свои. – «Мягкий» допрос, Светлова. Нужно понять, что за человек был, круг общения, скрытые конфликты, кто мог держать зло. Не только бизнес. Личное. Захарова – оцени обстановку в доме, контакты, личные вещи. Ищи то, что могло остаться здесь, в Питере. Развод – всегда война. Возможно, мотив там.

Марина кивнула, её ум уже переключался в нужный режим: «Искра» для общения, сочувствие, построение доверия. Алиса, не произнеся ни слова, уже достала служебный телефон, её пальцы быстро набирали номер авиакассы, взгляд был отстранён – она вычисляла логистику, оценивая время на дорогу до Пулково, проход контроля, время в полёте. Для неё это была не поездка к вдове, а начало операции, где среда – частный дом в Сочи, а объект – информация и возможные улики.

– Волынский, – Громов перевел взгляд на Константина, который, облокотившись о стену, внимательно, с любопытством художника, разглядывал фото разбитого телефона, игнорируя тело. – Тебе что?

– Странно, – сказал Костя, не отрываясь, его голос звучал задумчиво. – Телефон уронили. Или бросили. Но смотрите на узор разрушения. Экран разбит не от падения на плоскую поверхность. Видите? Трещины идут радиально из одной точки, вот здесь, чуть левее центра. Это точечное, сильное приложение силы. Как будто по уже лежащему телефону ударили чем-то тяжелым и твёрдым. Зачем бить уже разбитый телефон? Чтобы убедиться, что он нерабочий? Или…

Он замолчал, поймав на себе все взгляды.

– Или чтобы скрыть, ЧЕМ били, – закончил за него Громов, прищурившись. В его взгляде мелькнула искра интереса – Волынский, при всей своей легкости, иногда выхватывал суть. – Хорошее наблюдение. Иди с криминалистами, посмотри место ещё раз. И найди все осколки этого телефона. Каждый. Он нам нужен целиком.

– Есть, – Костя улыбнулся, как будто ему предложили увлекательную игру в поиск сокровищ. Для него так оно и было – каждая деталь на месте преступления была артефактом, рассказывающим свою часть истории.

– Романов, координируй потоки, – Громов бросил взгляд на Виктора. Тот стоял, слегка склонив голову набок, уже мысленно выстраивая схемы, распределяя задачи. – Отношения с банком-клиентом, внутренние дела фирмы, личная жизнь жертвы. Я хочу видеть полную, трёхмерную картину за 24 часа. Не набор фактов. Понимание. Все.

Последнее слово «все» прозвучало как снимаемый с предохранителя щелчок. Команда разошлась мгновенно, без лишних слов. Начался тот странный, хаотичный и в то же время упорядоченный танец, который и был расследованием. Каждый шаг, каждое движение теперь было подчинено одной цели: найти того, кто превратил жизнь Арсения Ковалева в кровавую массу на снегу в дворовом колодце Петроградской стороны.

В самолёте, рейс Санкт-Петербург – Сочи, 10:35

Самолёт набрал высоту, вырвавшись из свинцового плена питерских облаков в ослепительную, холодную синеву. Марина откинулась в кресле у иллюминатора, закрыв глаза. Физическая усталость накатывала волной теперь, когда на минуту не нужно было быть «на взводе». Рядом, у прохода, Алиса сидела прямо, её взгляд был устремлен в пустоту, но Марина знала – её подруга не отдыхала. Она анализировала карту района, куда они ехали, прокручивала в голове возможные сценарии.

Стюардесса принесла чай. Марина взяла свой с благодарностью. Алиса отказалась, лишь попросила стакан воды.

– Ты бы хоть повежливее, – тихо сказала Марина, не открывая глаз. – Дорога дальняя, а там впереди работа.

– Не могу, – так же тихо ответила Алиса. – Когда переключаюсь с одного образа на другой, нужна «нейтральная полоса». А то запахи, интонации из прошлой работы мешаются. Сейчас я – следователь Захарова. Через час мне нужно будет быть… кем? Сочувствующим коллегой? Или просто тенью, которая смотрит. Нельзя заснуть одним и проснуться другим. Сломаешься.

Марина открыла глаза, посмотрела на профиль подруги. Алиса казалась высеченной из мрамора – красивой, холодной и невероятно хрупкой внутри, где никто не мог увидеть.

– Помнишь, на курсах повышения, в Домодедово? – Марина сделала глоток чая. – Тот психолог, лысый, всё про «эмпатическую усталость» говорил.

Алиса едва заметно усмехнулась, уголок её губ дрогнул.

– Помню. Он тогда на тебя смотрел, как на идеальный пример «сохранённой человечности в деструктивной среде». А на меня – как на ходячий диагноз «профессионального эмоционального выгорания с элементами деперсонализации».

– Он просто дурак был, – отмахнулась Марина. – Не понимал, что твоя «деперсонализация» – это и есть твоя броня. Без неё ты не выжила бы те два месяца в банде «Слепых». А моя «человечность»… – она замолчалась, глядя на облака за стеклом, – иногда она мне мешает. После допроса с матерью того мальчика, по делу о торговле… я три ночи не спала. Видела её глаза.

Алиса медленно повернула голову к Марине. Их взгляды встретились. В глазах Алисы не было осуждения, только понимание.

– У меня после «Слепых» был период, – тихо, почти шёпотом, сказала Алиса, отводя взгляд. Она редко говорила об этом. – Я возвращалась домой, в свою квартиру, и не могла войти. Стояла у двери и слушала. Мне казалось, что там не моя тишина, а засада. Что запах моих духов – чуждый. Мне потребовалась неделя, чтобы перестать спать с ножом под подушкой. Громов тогда… не стал утешительные речи толкать. Просто дал пару недель «бумажной» работы. Говорил: «Отмойся, Захарова. От звонков и взглядов».

Марина кивнула. Это была высшая форма заботы в их мире – не лезть в душу, а дать пространство и время, чтобы самому собрать её осколки.

– А у тебя что было «после»? – спросила Алиса. – После первого трупа, который не на картинке, а вживую?

Марина вздохнула.

– Рвота. За уголком гаража. Потом ледяная вода из-под крана в лицо. И внутренняя команда: «Соберись. Теперь ты не Марина, ты – оперативник Светлова. Твоя задача – найти того, кто это сделал. Личные чувства – потом». И я собралась. Это и есть наша «маска». Не та, что для других. Та, что для себя. Чтобы не сойти с ума.

Они помолчали, каждый в своих воспоминаниях. Связь между ними была прочнее любой дружбы – это было родство душ, прошедших через одно пекло и говорящих на одном, полусловесном языке боли и долга.

– Как думаешь, что там, у вдовы? – сменила тему Алиса, возвращаясь к делу.

– Боль, растерянность, возможно, чувство вины, что уехала. Или, наоборот, злость на него, за то, что остался, за то, что развод, за то, что убит и теперь проблемы. Нужно найти, какая струна дрогнет. Я буду «Искрой». Ты ищи, на чём споткнётся её взгляд, когда будет говорить о нём. На что замолчит резко.

Алиса кивнула. Распределение ролей было отточено: Марина создавала поле доверия, Алиса сканировала его на предмет аномалий, на ложь, на скрытые страхи.

На улице, в прохладном сочинском воздухе после приземления, Марина выдохнула, и её лицо, мгновение назад полное участия, стало пустым и усталым. Она достала телефон, нашла контакт.

– Здравствуйте, майор Дорошенко? Это Светлова, СК по Петербургу. Да, спасибо, приземлились. Мы через двадцать минут будем у вас для короткого брифинга. Нет, пока без поддержки. Первый контакт нам нужно провести точечно. Да, проинформируем. Спасибо.

В управлении на ул. Навагинской их встретил подтянутый майор с усталыми, но внимательными глазами. Чай, документы, вежливое любопытство.

– Коллеги, приветствуем. Какими силами можем помочь? Автомобиль, группа прикрытия на время визита к вдове?

– Спасибо, майор, – включилась Марина, её улыбка снова стала служебной и тёплой. – Очень ценим. Но, по опыту, в таких ситуациях… официальное присутствие может вызвать лишнюю скованность. Женщина и так в шоке. Нам нужна не формальная беседа, а доверительный разговор. Мы отработаем точечно, а вам сразу передам все существенные детали для вашей базы и возможных дальнейших действий на месте.

Майор Дорошенко понимающе кивнул. Он видел в их глазах ту самую «столичную» специфику работы с особо тяжкими.

– Понимаю. Работайте. Но машину с нашим водителем всё же берите – он местный, знает все дворы, и это снимет вопросы с гаишниками. И мой личный номер на быстрый набор. Если что-то пахнет даже чуть-чуть – звоните, будем рядом в пять минут.

– Идеально. Спасибо, – твёрдо кивнула Алиса, уже записывая номер. Для неё это был не просто жест вежливости, а чёткое обозначение зоны ответственности и точки для экстренного вызова сил.

Дорогой к дому Ковалёвой прошла в молчании. Водитель, молодой парень в форме, ловко лавировал в потоке, периодически бросая на них оценивающие взгляды в зеркало.

– Вы, наверное, с важными ментами из сериалов работаете, – не выдержал он на светофоре.

– С бумагами и нервными людьми, – сухо парировала Алиса, не отрываясь от изучения карты на телефоне. – И с теми, кто их убивает. Поверни налево здесь.

частный дом в Адлере, 15:00. Дом был не роскошный, но ухоженный, родительский. Елена Станиславовна Ковалева встретила их с опухшим от слёз лицом и трясущимися руками. Она была не в состоянии шока-ступора, а в состоянии хаотической, истерической активности – бегала по дому, пыталась налить чай, роняла чашки, всё время говорила, заглушая страшную тишину, которая ждала её впереди.

Марина сразу включила свой режим. Её улыбка стала не служебной, а по-настоящему тёплой, обволакивающей, в глазах появилось участие, но не слабость. Она помогла женщине собрать осколки чашки, усадила её за стол, сама налила чай. Говорила мягко, спокойно, называя её по имени-отчеству, давая чувство контроля и уважения.

– Елена Станиславовна, нам очень жаль, что мы вынуждены беспокоить вас в такое время. Но чем быстрее мы поймём, что произошло, тем больше шансов найти того, кто это сделал.

Пока Марина вела этот «мягкий» танец, Алиса, извинившись и сказав «пройтись, не сидится», незаметно вышла из гостиной. Её взгляд, цепкий и холодный, скользил по деталям: семейные фото на стенах, много, но все старые, последние года два – только дети, мужская куртка на вешалке в прихожей, старая, поношенная, не Арсения, заварочный чайник на кухне. Она заглянула в комнату, где жила Елена с детьми – два детских матраса на полу, её узкая кровать. Ничего мужского. Развод был не просто «в процессе». Это был разрыв. Женщина сбежала сюда, к родителям, вырезав мужа из жизни.

Тем временем, из обрывков фраз, из рыданий и попыток оправдаться, Марина вытягивала суть: Арсений был трудоголиком. Работа была его жизнью, его ребёнком. С коллегами конфликтовал редко, но был беспощадным перфекционистом. «Он мог ночь просидеть из-за одной строчки кода, которая ему не нравилась!» – всхлипывала Елена. – «А люди… люди для него были переменными в уравнении. Эффективные – неэффективные».

– А были неэффективные? – мягко спросила Марина, поправляя на столе сахарницу.

– Да один… недавно уволил. Олег, какой-то… Дорофеев, кажется. Арсений потом злился, говорил, что тот «профнепригодный и халтурщик», из-за него чуть не сорвался важный контракт. Говорил, что этот Олег потом угрожал ему, названивал. Я Арсению говорила: «Обратись в полицию!». А он отмахивался: «Сам разберусь, это мелочь». А вот не мелочь вышла! – Она снова разрыдалась.

Алиса, вернувшись в дверной проём, встретилась взглядом с Мариной. Кивнула почти незаметно: «Да, развод окончательный. Женщина боится, но не из-за любви, а из-за чувства вины и шока. Информация про уволенного – ключевая. Больше значимых деталей в доме нет».

Марина дала Елене выплакаться, положив руку ей на плечо – жест поддержки, но также и оценка реакции тела, дрожь была естественной, не наигранной. Через полчаса они уже выходили из дома.

На улице, в прохладном сочинском воздухе, Марина выдохнула, и её лицо, мгновение назад полное участия, стало пустым и усталым.

– Угрозы от уволенного программиста. Мотив есть. Но слишком очевидно.

– И слишком на руку жене, – холодно добавила Алиса, доставая телефон, чтобы доложить Громову. – Если бы она хотела отвести подозрения, то подсказала бы именно эту версию. Но её истерика выглядела искренней. Она просто сломлена. И, кажется, действительно его любила, несмотря на всё.

– Любовь, – тихо сказала Марина, глядя в сторону моря, которого не было видно за домами. – Она тоже иногда бывает мотивом. Но не в этом случае. Поехали в аэропорт. Мозг, наверное, уже нашёл что-то по этому Дорофееву.

Они шли к машине, две женщины в чужом городе, несущие с собой тень чужой смерти. Их маски были надеты обратно. До следующей «нейтральной полосы» в самолёте, где можно будет на минуту снова стать просто Мариной и просто Алисой. Но эта минута будет короткой. В Петербурге уже ждала работа.

Иван, тем временем, «по-тихому» нашел одного из «зайцев». Тот, за сто рублей и пачку сигарет, сообщил, что видел в ту ночь темный минивэн, заезжавший во двор и выезжавший через десять минут. Номеров не запомнил.

В то время как самолет с Мариной и Алисой набирал высоту, в отделе на набережной канала Грибоедова Даниэль Карелин погружался в свою стихию – цифровую пустыню данных, где каждое число, каждая временная метка могли оказаться оазисом с уликой. Свет от трёх мониторов отбрасывал синеватые блики на его очки со светофильтрами. Над правым ухом, зажатая между плечом и щекой, грелась трубка стационарного телефона.

«Да, понимаю. То есть, архивные записи с камеры дома 15 по Чкаловскому с 20:00 до 21:00 отсутствуют? По техническим причинам? Каким именно?.. Спасибо».

Он бросил трубку, не скрывая раздражения, и сделал пометку в цифровой таблице, которая уже напоминала карту военных действий. Красным были выделены «слепые зоны».

Он отследил цифровой призрак Арсения Ковалева с хирургической точностью: последний выход с рабочей станции в офисе «Криптон-Софт» – 20:07. Данные с пропускной системы турникета в лобби – 20:12. Далее – предполагаемый маршрут: 350 метров пешком до круглосуточной парковки у станции метро, где он оставлял свою Ауди. Камеры на этом пути должны были быть. И они были.

На экране слева он вывел схему. Зелёные галочки отмечали камеры, давшие чёткую картинку: Ковалев в тёмном пальто, с кейсом, идёт быстрым шагом, уткнувшись в телефон. А дальше – разрыв. Две ключевые камеры: одна на углу дома, смотрящая прямо на вход на парковку, и вторая – на фасаде соседнего бизнес-центра, охватывающая подходы. Согласно отчётам обслуживающих компаний, обе «испытывали технические неполадки с записью» в интервале с 20:15 до 21:30. Слишком удобно. Слишком точно.

– Координатная атака, – прошептал Даниэль себе под нос, его пальцы затанцевали по клавиатуре. Он запустил скрипт, который начал сканировать городскую сеть датчиков: умные домофоны близлежащих подъездов, частные камеры наблюдения в магазинах, даже регистраторы припаркованных машин, если к ним был хоть какой-то дистанционный доступ. Он искал любой пиксель, запечатлевший тёмное пальто Ковалева после 20:15. Это была игра в цифровые пазлы, и он был уверен, что выиграет.

На большую магнитную доску в «аквариуме», которую Виктор Романов уже начал заполнять, Даниэль с помощью проектора стал выводить «древо связей». Это была не просто схема – это была динамическая, живая картина.

В центре – фото Ковалева. От него расходились цветные линии.

Даниэль встал и подошёл к доске, чувствуя на себе взгляд Громова, который молча наблюдал из своего кабинета. Он взял маркер и обвел имена Дорофеева и Лысенко.

– Гипотеза номер один: месть уволенного сотрудника, – заговорил он, обращаясь к пустому пока «аквариуму», но по сути – к Громову, оттачивая свои мысли вслух. – Угрозы есть. Мотив эмоциональный, горячий. Но для этого нужен доступ, слежка. Проверяю его финансовые операции, связи, перемещения.

Он перевёл маркер на имя Павла Игнатьева.

– Гипотеза два: внутренний передел власти. Смерть Ковалева ставит у руля наиболее компетентного заместителя. Игнатьев знал все рабочие процессы, имел доступ ко всему. И, что важно, – к системам безопасности, включая камеры. «Глюки» на маршруте – могли быть инсценировкой с его подачи. Ищу аномалии в его цифровых следах за последнюю неделю: поисковые запросы, покупки, несанкционированный доступ к служебным журналам.

Наконец, он ткнул маркером в имя Игоря Лысенко.

– Гипотеза три: давление со стороны клиента. Конфликт из-за денег и сроков. Лысенко с тёмным прошлым. Возможен силовой сценарий, заказное устранение проблемы. Работаю через его окружение, ищу точки соприкосновения с криминальными элементами.

Он отступил на шаг, оценивая картину. Данных было много, но они лежали мёртвым грузом. Не хватало связующей нити, того самого «цифрового призрака» нанимателя или соучастника, который обязательно должен был оставить след в эфире – сообщение, платеж, сигнал.

– Карелин.

Голос Громова за спиной заставил его вздрогнуть. Начальник подошёл бесшумно.

– Эти «глюки» на камерах. Можно ли определить – внешнее воздействие или внутренний сбой?

– Работаю над этим, Максим Игоревич, – Даниэль выпрямился, как курсант. – Запросил логи сетевого оборудования управляющих компаний. Если был несанкционированный доступ для удалённого отключения или порчи архивов – это займёт след. Но нужны часы, может, день.

– У нас нет дня, – сухо констатировал Громов. – Сфокусируйся на пересечениях. Кто из этих троих, – он кивком указал на Дорофеева, Игнатьева и Лысенко, – мог иметь и мотив, и возможность, и знания, чтобы так аккуратно вывести камеры? Это наш человек. Ищи не отдельные улики. Ищи систему. Алгоритм его действий.

Громов ушёл, оставив Даниэля с чувством жгучего желания доказать, что он может мыслить не как «ботан», а как оперативник. Он не просто собирал данные. Он искал алгоритм преступления. И где-то в этой паутине из нулей и единиц прятался баг – ошибка в коде, написанном убийцей. Даниэль был уверен: он её найдет. Он должен был найти. Ради дела. Ради того, чтобы ледяные глаза Громова хоть на секунду отразили не «временное удовлетворение», а настоящее признание.

Свет прожекторов, установленных оперативниками, вырывал из зимней темноты жёлтый островок двора. Снег, уже утоптанный десятками ног за день, хрустел под сапогами. Константин Волынский двигался не как следователь, а как археолог на раскопках забытой цивилизации. Его взгляд, обычно рассеянный и мечтательный, сейчас был сфокусирован до предела, выискивая малейший сбой в белом рельефе сугробов, малейшее инородное пятно на грязном асфальте.

Он работал не один. Рядом, в белом комбинезоне и бахилах, склонился над очередным квадратом штатный криминалист, Леонид Аркадьевич. Его движения были выверенными, экономными, лишенными суеты. Он напоминал хирурга, оперирующего на холоде. Именно его Костя попросил остаться для повторного, точечного прочесывания – не потому, что не доверял выездной группе, а потому что чувствовал: Леонид Аркадьевич видел то, что другие пропускали.

– Константин, здесь, пожалуйста, – тихий, ровный голос криминалиста остановил Волынского. Леонид Аркадьевич пинцетом, с почти неестественной чистотой движений, извлекал из-под тонкой корочки льда в пяти метрах от очертания тела крошечный осколок закаленного стекла. – Не от экрана телефона. От объектива камеры, возможно. Или от защитного стекла часов. Обратите внимание на структуру скола.

Костя присел на корточки рядом, не нарушая границы, очерченной лентой.

– И на отпечаток, Леонид Аркадьевич. Видите? Нечёткий, смазанный, но…

– Но явно не принадлежит жертве, – кивнул криминалист, аккуратно помещая осколок в стерильный контейнер. – Папиллярный узор другого типа. Прекрасная находка. Теперь туда, на три метра левее, под куст. Туда ветром сметало мелкий мусор.

Именно там, в ледяной паутине под голыми ветками, Костя нашел его. Не осколок, а обломок – ребристый фрагмент синего пластика, размером с пол-ладони, с неровным, рваным краем.

– Похоже на корпус от чего-то мощного. Шуруповёрта, дрели… – пробормотал он.

– Порошковая краска, – безошибочно определил Леонид Аркадьевич, взяв фрагмент в защищённую перчаткой руку и повертев под светом. – Тот самый оттенок. Совпадение с микрочастицами под ногтями жертвы весьма вероятно. Отличная работа, Константин.

В этот момент в тишину, нарушаемую только шелестом пакетов и далеким гулом города, ворвалась бодрая мелодия телефона Кости. На экране – «Искра». Он снял перчатку, принял вызов.

– Алё, сестрёнки! Балдеете на море?

Из трубки, слегка фонившей из-за высоты, послышался голос Марины, усталый, но с привычной искоркой:

– О, да! Прямо сейчас потягиваем коктейли у бассейна. Слушаю шум прибоя. Если закрыть глаза, то почти похоже на гул двигателей «Боинга» и всхлипы пьяного соседа.

– А я загараю, – сухо добавил голос Алисы на заднем плане. – Под светом в салоне. Идеальный солярий. Никаких УФ-лучей, одна романтика задержек рейсов.

Костя рассмеялся, глядя на заиндевевшие кирпичные стены колодца.

– А мы тут, в питерских тропиках, культурно отдыхаем. Леонид Аркадьевич мне экскурсию по местной фауне проводит – вот, синий пластик заморский откопали. Прямо как на пляже, только копаться приходится в снегу, а не в песке.

– Скажи Леониду Аркадьевичу привет, – попросила Марина. – И передай, что его метод с ультрафиолетовой лампой для поиска биоматериалов на текстиле – гениален. Я в Сочи на простынях проверила – чисто. Ничего лишнего.

Костя перевёл взгляд на криминалиста, который, услышав своё имя, приподнял бровь.

– Марина передаёт, что ваш метод с УФ-лампой – гениален.

На обычно непроницаемом лице Леонида Аркадьевича дрогнул уголок рта, едва заметная тень улыбки.

– Скажите Марине Викторовне, что гениальность – в методичности. И что я рад, что метод работает. И пусть не забывает про увлажняющий крем для рук после частого мытья. Хлорка в самолётах сушит кожу.

Костя передал ответ, добавив от себя:

– Слышали? Заботится о вас. Вы там хоть кремом разживитесь.

– Обязательно, – ответила Марина, и в её голосе послышалась лёгкая теплота. – А теперь по делу, Костя. Вдова дала нитку – уволенный программист, Олег Дорофеев, угрожал. Любые следы борьбы, любые обломки техники – в приоритете. Особенно синие.

– Уже нашли, – Костя кивнул, хотя его никто не видел. – Леонид Аркадьевич подтверждает – краска одинаковая. И отпечаток чужой на стекле есть. Работаем.

– Молодцы. Держитесь. – Связь прервалась.

Костя убрал телефон и снова натянул перчатку. Леонид Аркадьевич, закончив маркировку пакета с пластиком, выпрямился, и костяшки его пальцев хрустнули.

– Хорошие сотрудницы, – тихо произнёс он, больше сам для себя. – Сильные. Не многие в нашем деле такие остаются… человечными.

– Вы давно с Мариной знакомы? – осторожно спросил Костя, продолжая прочесывать свой сектор.

– С самого её поступления в СК. Она тогда… совсем девчонкой была. «Солнышком». Но с железным стержнем внутри. Я вёл у них курс по основам работы с вещественными доказательствами. – Он помолчал, его взгляд стал отрешенным. – Я ведь не всегда криминалистом был. До этого… служил. В морской пехоте Северного флота.

Костя остановился, удивлённый. Спокойный, педантичный Леонид Аркадьевич – и морпех?

– Серьёзно? Но вы… простите, вы так не похожи…

– На того, кто должен бегать с автоматом по плацдарму? – криминалист тихо усмехнулся. – Время меняет. И обстоятельства. Перед службой были проблемы со здоровьем. Зрение стало подводить. На медкомиссии собирались поставить категорию «Б2» – годен с незначительными ограничениями, по сути, на нестроевую. А я… не мог представить себя не на службе. Армия, флот… это была не работа. Это была жизнь.

Он аккуратно стряхнул снег с бахил.

– Я нашёл… способ. Не совсем по уставу. Не подлог, нет. Но использование неочевидной лазейки в требованиях, определённое давление на знакомых врачей, чтобы они «не заметили» мелких погрешностей в тестах. Я знал, что мои руки твёрды, глазомер, несмотря на небольшие проблемы, всё ещё лучше, чем у многих. И что я могу быть полезен. Так я попал в морпехи. – Он посмотрел на Костю. – И ради таких, как Марина, как Алиса, ради того, чтобы их «человечность» не была растоптана этой грязью… ради этого можно было пойти на маленький компромисс с совестью. Чтобы остаться в строю.

Костя молча кивнул. Он видел в этом спокойном, чистоплотном человеке неожиданную глубину и силу. Не грубую силу морпеха, а тихую, непоколебимую стойкость солдата, сменившего автомат на пинцет и микроскоп, но оставшегося на своей войне.

– Давайте продолжим, Константин, – сказал Леонид Аркадьевич, его голос снова стал профессионально-бесстрастным. – Преступник нервничал. Он что-то потерял здесь. И мы это найдём. Методично. Как и положено.

Они снова склонились над заснеженным полем боя, двое очень разных мужчин, объединённых тайной этого двора и невидимой нитью долга, который каждый из них понимал по-своему, но исполнял с одинаковой преданностью.

Вечер, «Аквариум». Виктор Романов стоял у маркерной доски, подпирая её плечом. На нём уже не было пиджака, рубашка с расстегнутым воротником и закатанными до локтей рукавами говорила о переходе в режим работы на износ. Его взгляд скользил по фотографиям, схемам и цветным нитям, связывающим имена.

– Итак, Олег Дорофеев, уволенный программист, – его голос, обычно бархатный и уверенный, звучал слегка хрипло от усталости. – Алиби на вечер убийства – «гулял один». В одиночестве. Проверили по камерам в районе его дома – мелькал, но на полтора часа выпадал. Мотив есть, и яркий: унижение, угрозы, потеря работы. Но… – Виктор повернулся к команде, его пальцы постучали по фотографии обезображенного лица Ковалева. – Психологизм не сходится. Тот, кто мстит в ярости, бьёт в лицо. Смотрит в глаза. Здесь же – удар сзади, по затылку, почти профессиональный. Потом добивание. Потом волочение. Это не эмоция. Это работа. Это больше на заказ тянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.